

Вторичное открытие реликтовой чайки *Larus relictus* и предыстория создания заповедника на Алаколе

А.Ф.Ковшарь

Второе издание. Первая публикация в 2004*

Длительный, многовековой период описания видового многообразия наземных позвоночных животных планеты Земля, в отличие от ещё наполовину не описанных беспозвоночных, завершился в основном к концу XIX столетия. На долю XX века достались лишь отдельные эпизоды. Два наиболее ярких из них имеют непосредственное отношение к Казахстану: это открытие в 1938 году боялычной сони, или селевинии (*Selevinia betpakdalensis* Belosludov et Bazhanov, 1938) и описание нового вида птиц – реликтовой чайки (*Larus relictus* Lönnberg, 1931) через 40 лет после того, как она была впервые добыта.

Сейчас, спустя 30 лет после этих событий, в солидной научной монографии «Птицы СССР. Чайковые» (1988) история этой птицы изложена сухим научным языком, не оставляющим места для подробностей и эмоций первооткрывателей. Привожу эту цитату дословно – как научную, справочную основу для дальнейшего повествования:

«Реликтовая чайка была описана Е.Лённбергом в качестве подвида черноголовой чайки *Larus melanocephalus relictus* по одному экземпляру, добытому 24 апреля 1929 г. во Внутренней Монголии в нижнем течении р. Эдзин-Гол (Lönnberg 1931). Позже были высказаны предположения, что это уклоняющийся от обычной окраски экземпляр буроголовой чайки [*L. brunnicephalus* Jerdon, 1840] (Дементьев 1951) или гибрид между черноголовым хохотуном [*L. ichthyaetus* Pallas, 1773] и буроголовой чайкой (Vaurie 1962). 14 мая 1963 г. и 12 мая 1965 г. на Торейских озёрах в Читинской области А.Н.Леонтьевым были добыты две реликтовые чайки, определённые как буроголовые (Ларионов, Чельцов-Бебутов 1972). 4 июня 1967 г. им же здесь была найдена колония этих чаек, которых вследствие неправильного определения он продолжал считать буроголовыми (Леонтьев 1968). Первое сообщение о видовой самостоятельности реликтовой чайки было сделано Э.М.Ауэзовым (1970, 1971) после находки в 1968-1969 гг. колонии на оз. Алаколь и сравнения добытых экземпляров с чайками других видов в коллекциях Зоологического музея МГУ и ЗИН АН СССР, проведённого

* Ковшарь А.Ф. 2004. Вторичное открытие реликтовой чайки (*Larus relictus* Lönnb.) и предыстория создания заповедника на Алаколе // *Тр. Алакольского заповедника* 1: 15-31.

А.Ф.Ковшарем. Почти одновременно с этим предположение о видовой самостоятельности реликтовой чайки высказали М.Штуббе и А.Болд (Stubbe, Bold 1971)» (Зубакин 1988, с. 69).

В этой цитате стенографически точно приведена основная канва событий и названы почти все участники (в действительности их было больше) этой захватывающей эпопеи, о которой стоит рассказать подробнее, поскольку это уже история нашей орнитологии.

Впервые о встрече необычной чайки на озере Алаколь я услышал осенью 1968 г. от своего друга Эдуарда Ивановича Гаврилова, заведовавшего тогда лабораторией орнитологии Института зоологии АН КазССР и летом проводившего отлов и кольцевание колониальных птиц на островах озера Алаколь. Навестив меня в больницу, Эдуард среди прочих орнитологических новостей поделился и впечатлением о необычной чайке, птенцов которой они кольцевали на Алаколе. По его словам, на расстоянии она напоминала окраской обычную озёрную чайку *Larus ridibundus* Linnaeus, 1766, лишь немного крупнее её, но вот пуховые птенцы её были очень светлыми, почти белыми (тогда как у озёрной – тёмные, пятнистые), как у черноголового хохотуна, на птенцов которого они были очень похожи и по окраске. Лучшим знатком алакольских птиц был тогда Владимир Александрович Грачёв, проживший в этих краях уже около пяти лет. На вопрос Эдуарда он ответил коротко: «*Larus ridibundus!*» Спор ни к чему не привёл, а застрелить странную птицу ни один из спорщиков не догадался. Рассказывая мне эту историю, Эдуард уже сожалел, что не добыл птицу и не решил этот спор сразу же на месте. И несколько раз повторил, что на следующее лето на Алаколь поедет Эрнар Ауэзов и надо, чтобы он обязательно привёз оттуда тушку странной чайки.

Второе известие о диковинной птице привёз летом 1969 года приехавший с Алаколя директор Института зоологии Аркадий Александрович Слудский, который был не только крупнейшим териологом Казахстана, но и серьёзно интересовался птицами. Он посетил полевой лагерь орнитологов и увидел там тушку добытой Эрнаром птицы, при этом подтвердил, что она необычна и определению по нашим таблицам не поддаётся. Ещё через два месяца все мы имели возможность видеть привезённую Эрнаром диковинку, которую определили как *Larus melanocephalus relictus*. И хотя принадлежность её к черноголовой чайке у каждого вызывала сомнение, но высказывать мысль о видовой самостоятельности вслух никто не решался.

И вот сентябрь 1969 года – Пятая Всесоюзная орнитологическая конференция в Ашхабаде. Эрнар, который по каким-то причинам не поехал на конференцию, просит меня взять с собой тушку чайки и показать её Лео Суреновичу Степаняну, чей авторитет в области систематики и классификации птиц уже тогда был очень высоким. Надо

было видеть, как Лео Суменович рассматривал чайку. Ни слова не говоря, он не менее получаса вертел её в руках, а затем медленно проговорил: «Я не знаю, что это, но могу сказать только одно, что это что-то мне не известное. Никогда раньше я такую птицу не видел». И затем спросил, не собираюсь ли я в ближайшее время в Москву и не смог бы взять с собой эту тушку. Я как раз собирался в длительную командировку в Москву и Ленинград для работы с коллекциями птиц для очередного тома сводки «Птицы Казахстана», и Эрнар с готовностью дал мне в дорогу не только тушку взрослой чайки, но также её пухового птенца и полную кладку. С этим багажом я и прибыл в Москву.

На «хорах» орнитологического хранилища Зоологического музея Московского университета в одной из «клеток», предназначенных для работы с коллекционным материалом, меня ожидал целый орнитологический «консилиум». Кроме Л.С.Степаняна здесь были В.Е.Флинт и мой старый приятель Саша Кищинский, тогда уже очень известный своими исследованиями орнитофауны северо-востока Азии. Сразу же после приветствия Лео Суменович коротко спросил меня: «Привёз?» На этот раз осмотр птицы был недолгим – уже через две минуты Степанян торжественно изрёк: «Она». И протянул заранее для меня приготовленный отгиск статьи Чарлза Вори, в которой тот рассматривает добытый в 1929 году экземпляр как гибрид между буроголовой чайкой и черноголовым хохотуном! После этого все наперебой стали обсуждать признаки привезённой чайки. В разговоре Владимир Евгеньевич вдруг сказал: «А помнишь, Лёва, какую чайку показывал нам как-то Чельцов? По-моему, очень похожа». Тут же позвонили на кафедру биогеографии МГУ и договорились, что профессор Александр Михайлович Чельцов-Бебутов примет меня через два часа.

Александр Михайлович в коротком перерыве между двумя половинками лекционной «пары» отвёл меня в помещение эталонной коллекции птиц мира – гордости кафедры биогеографии МГУ и особенно её создателя, профессора Вячеслава Фёдоровича Ларионова. Заметив мой заинтересованный взгляд (в своё время я не раз посылал из Западного Тянь-Шаня В.Ф.Ларионову солёные шкурки для этой коллекции), Александр Михайлович удивлённо спросил: «Неужели Вы ни разу не видели нашей коллекции?» На мой утвердительный ответ он пообещал показать мне её через час и ушёл, оставив меня наедине с приготовленным заранее открытым ящиком с тушками, штангенциркулем и чистыми листами бумаги. Среди нескольких буроголовых чаек я сразу же увидел реликтовую: она выделялась на их фоне так же, как яркий зелёный лист на фоне опавших на землю, пожухлых и выгоревших. Промеры птицы и особенно чёрно-белый рисунок первостепенных маховых не оставили никакого сомнения в принадлежности её к виду (подвиду?) *Larus relictus*.

Ровно через 45 минут в комнату стремительно вошёл Александр Михайлович и прямо с порога задал мучивший его вопрос. На мой утвердительный ответ он, понизив почему-то голос, сказал: «Вы понимаете, ведь я её пять лет студентам показываю как буроголовую!» И потом объяснил, что когда эту тушку привёз из Забайкалья А.Н.Леонтьев, её яркий по сравнению с буроголовой чайкой наряд все кафедральные орнитологи единодушно восприняли как отличие свежего экземпляра от птиц, долго пролежавших в коллекции. Вскоре об этом забыли, а напряжённый учебный процесс и отсутствие времени для работы с коллекционными материалами привели к тому, что пять лет птица хранилась под чужим именем. Справедливости ради надо сказать, что спустя три года после описанного разговора исправленные сведения о тушке из эталонной коллекции всё же были опубликованы (Ларионов, Чельцов-Бебутов 1972).

Воодушевлённый результатами московской «инспекции», я направился в цитадель советской зоологической науки – Зоологический институт Академии наук СССР (Ленинград, ныне Санкт-Петербург). В орнитологическом отделе этого института, возглавляемом тогда Константином Алексеевичем Юдиным (а до этого – Александром Ивановичем Ивановым), мне в 1960-1970-х годах приходилось бывать неоднократно, и приём коллег каждый раз был очень радушным, что объяснялось как неподдельным интересом к орнитофауне Казахстана и Тянь-Шаня, так и особым дружеским расположением светил питерской орнитологической науки к Игорю Александровичу Долгушину и созданной им казахстанской орнитологической школе. Но поскольку не зря сказано, что слухи идут впереди нас, то в этот раз к обычному дружелюбию примешивалось и нетерпение: ну-ка покажи то, что привёз!

После первого осмотра мнения разделились. Одни удивлялись диковинной птице, другие вопросительно смотрели на Юдина: что скажет мэтр. И он после длительного осмотра спокойно сказал: «Ничего удивительного, просто свежий экземпляр буроголовой чайки». И добавил: «У нас в коллекции есть один такой же экземпляр». Тотчас же тушка была найдена и осмотрена. Конечно же, она оказалась реликтовой чайкой, вот только этикетка была написана китайскими иероглифами. Помог Борис Владимирович Некрасов, который тогда работал в библиотеке Академии наук. Он разыскал сотрудника библиотеки, знающего китайский и расшифровавшего этикетку. Она гласила: «9 апреля 1935 г. Порт Дагу (Тангу) в провинции Хэбэй, Восточный Китай», но в коллекцию Зоологического института она попала только несколько лет назад.

Страсти накалялись. Леонид Александрович Портенко, сразу же пришедший к выводу, что *Larus relictus* – самостоятельный вид, пригласил меня в свой кабинет и предложил свои услуги в быстройшей

публикации этой сенсационной статьи в американском орнитологическом журнале «Auk», а прибывший из Борка Борис Карлович Штегман долго молча исследовал обе тушки (и алакольскую, и китайскую), а потом так же молча заторопился, не высказав окончательно своего мнения. Как сообщила мне на второй день Ирэна Анатольевна Нейфельдт, он в тот же вечер написал своему немецкому коллеге-орнитологу Штуббе, чтобы тот срочно поискал в своих монгольских сборах аналогичный экземпляр (что и было сделано, и в результате в самые короткие сроки появилась публикация «Stubbe M., Bold A. 1971. Möwen und Seeschwalben (Laridae, Aves) der Mongolei // *Mitt. Zool. Mus. Berlin*. Bd. 47, № 1. S. 51-62»). Возмущённая таким вероломством уважаемого мэтра, Ирэна Анатольевна посоветовала мне ускорить публикацию, чтобы не потерять приоритет в описании. Это означало, что надо срочно возвращаться в Алма-Ату, хотя в планах моих было ещё провести дней десять в Зоологическом институте, после чего отправиться в отпуск. Отпуском можно было пожертвовать (что в конечном счёте и пришлось сделать), а вот посмотреть коллекции ЗИН и выписать орнитологические сборы с территории Казахстана для очередного тома «Птиц Казахстана» было необходимо.

И ещё одно дело не позволяло уехать сразу. Константин Алексеевич Юдин, мнение которого имело для меня первостепенное значение, по-прежнему считал оба экземпляра буроголовыми чайками. Пришлось буквально осаждать его доводами, из которых самыми убедительными оказались два – расцветка первостепенных маховых и пуховой птенец. Правда, с последним он сразу же поставил меня в тупик: «А откуда Вы знаете, что это птенец именно этой чайки? Скорее всего, это пуховичок черноголового хохотуна». На моё возражение, что хохотун намного крупнее и, соответственно, пуховик его как минимум вдвое тяжелее, чем у реликтовой чайки, Константин Алексеевич, хитро прищурившись, развернул мне второй том «Птиц Казахстана», где на странице 299 было написано буквально следующее: «Вес птенцов, только что выклюнувшихся из яйца, 40-80 г (по взвешиваниям Чекменёва)». На этикетке привезённого мной пуховика был обозначен вес 50 г, что вполне укладывалось в приведённые колебания веса птенцов хохотуна. Мои попытки подвергнуть сомнению приведённый в книге неестественно большой размах колебаний веса у одного вида Константин Алексеевич мягко отклонил, хотя и согласился, что цифры эти сомнительные и что вполне могла вкрасься просто опечатка.

Завершил разговор он совершенно неожиданно, сказав, что в местах совместного гнездования с черноголовым хохотуном (а на Алаколе гнездятся оба вида) вполне возможно среди свободно бегающих птенцов отловить «чужого». И добавил, что если я приведу неопровержимые доказательства того, что находящийся у меня в руках птенец принад-

лежит именно э т о й чайке, тогда он снимает все свои возражения против её видовой самостоятельности, поскольку у буроголовой чайки (как и у озёрной) пуховые птенцы тёмные, густопятнистые, а этот почти белый, с едва наметившимся рисунком.

Присутствовавшая при этом И.А.Нейфельдт перевела разговор в другое русло: «Будущей весной вам с Гавриловым надо бросить все дела и поехать на этот остров, чтобы провести детальные наблюдения и ответить на все вопросы». Того же мнения был и Константин Алексеевич. С этим напутствием старших я и отбыл домой.

Эдуард Иванович Гаврилов по ряду причин от поездки отказался, но меня отпустил. И мы с Эрнаром договорились, что в мае я приеду к нему на остров Средний дней на десять. Последовавшие затем события сделали эту поездку особо запоминающейся. Попробую изложить их по порядку, хотя и прошло уже более 34 лет.

В середине мая 1970 года Эрнар Ауэзов приехал в Алма-Ату за некоторым имуществом, в частности, за новым лодочным мотором. Буквально через день пришла телеграмма из села Жарбулак (восточный берег Алаколя): «Лодку, имущество и документы утопил. Сам живой. Анвар». Читая и перечитывая её, обычно невозмутимый Эрнар сказал, что на розыгрыш это непохоже, ибо Анвар, которого он оставил в лодке, ещё совсем мальчишка и не станет так шутить. И мы срочно вылетели на маленьком самолёте ЛИ-2, имея груз 152 кг на двоих (теперь пришлось везти два лодочных мотора – «Вихрь» и «Нептун»). Сильный ветер задержал нас на несколько часов в Талды-Кургане, а затем доставил немало хлопот уже над Алакольской котловиной, где он гулял в полную силу.

На место мы прибыли под вечер, пришли к дому дяди Пети, у которого жили Эрнар с Анваром, и здесь нас встретил сам пострадавший. Оказалось, что он решил заночевать прямо в лодке у обрывистого берега. А когда ночью разыгрался штормовой ветер, лодку сорвало с якоря и стало относить от берега. Анвар успел выскочить из лодки, захватив только спальный мешок. Всё остальное утонуло, причём место затопления в кромешной тьме рассмотреть было невозможно. Это уже днём дядя Петя выяснил, что лодка затонула недалеко от берега и вся занесена илом, песком и гравием.

Поиски техники для поднятия лодки не дали результатов. К тому же стогомёт, который мы так упорно искали в окрестных колхозах, вряд ли помог бы, поскольку с его помощью заиленную тоннами песка и гравия лодку можно было только разломать. Когда вода немного спала, мы стали руками освобождать лодку от её каменно-песчаного груза. Наконец, на второй день нам удалось вытащить лодку на берег. Теперь предстоял ремонт, поскольку во время шторма и последующего извлечения лодки с неё были сорваны так называемые волнорезы

(длинные металлические угольники, приклёпанные частой клёпкой вдоль каждого борта). Здесь я оценил многоопытность и запасливость Эрнара: оказывается, среди тех 152 кг груза, что мы везли на самолёте, находилось и ведро, доверху наполненное клёпками самых разных размеров. На освоение профессии клепальщика и латание дыр ушло ещё полтора дня.

И вот наша восстановленная посуда, нагруженная всем необходимым и снаряжённая привезённым нами мотором, направилась к острову Средний, где располагалась колония чаек и крачек. Однако достичь его сразу не удалось: разыгравшийся ветер «Сайкан» вынудил нас причалить к соседнему, более крупному Каменному острову. Как объяснил Эрнар, такое здесь бывает часто. И при этом добавил, что на Каменном нет родников пресной воды.

Экскурсия по острову показала, что помимо мелких воробьиных птиц, среди которых особенно бросались в глаза яркие самцы каменок-пешанок *Oenanthe pleschanka* и жёлчных овсянок *Emberiza bruniceps*, здесь обитают две семьи журавлей-красавок *Anthropoides virgo*, у которых недавно вылупились птенцы. Несколько часов пробыли мы на Каменном и уже были готовы к тому, что здесь придётся заночевать. Чтобы добыть воду для чая, Эрнар выкопал некоторое подобие колодца прямо в прибрежной полосе, всего в 10 м от прибоя. Фильтруясь через толщу песка, вода стала менее солёной, чем в озере, однако жажду она не утоляла. Вскипятив чай, Эрнар достал пакетик с лимонной кислотой и стал добавлять её в чай вместе с сахаром. В таком виде горячий чай показался нам удивительно вкусным.

К вечеру ветер начал стихать, и Эрнар сказал, что пора отправляться дальше. Преодолев неширокий пролив, мы уже через час были на месте прежнего лагеря, успели поставить палатки и приготовить ужин. Последний представлял собой яичницу из яиц хохотуньи *Larus cachinnans*. Эта крупная чайка с хорошо выраженными хищническими склонностями была довольно многочисленной на острове и представляла собой реальную угрозу для реликтовой чайки. Поэтому Эрнар время от времени проводил здесь своеобразное биотехническое мероприятие: налив в ведро солёной озёрной воды, он обходил остров, по периметру которого располагались одиночные гнёзда этой красивой разбойницы, и поочередно опускал её яйца в солёную воду, проверяя их на степень насиженности. Свежеснесённые яйца при этом шли ко дну, а насиженные (у которых по мере инкубации увеличивалась воздушная полость) всплывали. Чайчья яичница оказалась отменной. Эрнар не ограничивался изъятием яиц, он отстреливал и взрослых хохотуньих, из мяса которых готовил котлеты (для чего даже привёз на остров мясорубку!). И если бы не песок, который попадал в фарш и с воздуха, и с воды, котлеты были бы вполне съедобны.

Остров Средний – крошечный (всего 0.6 км²) клочок суши, расположенный между двумя островами покрупнее, почти в центре большого солёного озера (до ближайшего восточного берега – 15 км). Берега острова большей частью пологие, но местами образуют скальные отвесы до 3-4 м высотой, на которых гнездятся большие бакланы *Phalacrocorax carbo*. Центральная часть острова поднята до 65 м над водой. Пологие склоны этой возвышенности и опоясывающие их террасовидные уступы покрыты щебёнкой с редкой засушливой растительностью, среди которой довольно часто видны щепнистые плешины. И только на более крутом северо-восточном склоне возвышенности имелись заросли невысоких, до 1.5-2 м высотой, кустарников.

Этот изолированный от наземных хищников островок (лишь в редкие годы сюда по льду проникают с соседнего острова лисицы) стал пристанищем для большого количества пернатых. Во время нашего пребывания здесь, помимо колонии реликтовой чайки, были две плотные колонии чеграв *Hydroprogne caspia* общей численностью не менее 1500 пар, три небольшие колонии черноголовых хохотунов *Larus ichthyætus* – около 500 пар, колония чайконосых крачек *Gelochelidon nilotica* – около 1000 пар, колония речных крачек *Sterna hirundo* – около 200 пар, а также не менее 200 гнёзд хохотуний, разбросанных в основном по периметру острова. Кроме того, здесь гнездились не менее 10 пар серых уток *Anas strepera*, две пары куликов-сорок *Haematopus ostralegus*, несколько пар полевых жаворонков *Alauda arvensis*, деревенских *Hirundo rustica* и береговых *Riparia riparia* ласточек. Многие из этих птиц гнездились всего в 10-15 м от гнёзд реликтовых чаек, а одно гнездо чайконосой крачки размещалось даже внутри их колонии.

Реликтовые чайки облюбовали верхнюю часть холма в центре острова, примерно в 100 м от места своей прошлогодней колонии (в 1969 г., по словам Эрнара, здесь было 25-30 гнёзд). В начале июня 1970 г. мы насчитали в колонии 108 гнёзд, в стороне находились ещё 8 гнёзд, а одна пара реликтовых чаек гнездилась в 100 м от основной колонии, почти в центре колонии чеграв. Забегая вперёд, могу сказать, что ещё через год реликтовые чайки в числе 32 пар гнездились в 300 м от колонии 1970-го года, всего в 20 м от берега.

Стараясь наверстать упущенное на берегу время, я в первое же утро поставил вблизи колонии маленькую палатку и весь этот и последующие дни проводил в ней, наблюдая за поведением этой невиданной ранее птицы. У этой небольшой, изящной тёмноголовой чайки на расстоянии сразу же обращает на себя внимание ярко-белое полукольцо вокруг глаз, которое, вне всякого сомнения, намного заметнее, чем у летающих здесь же более мелких озёрных чаек. В полёте реликтовая чайка представляет собой как бы уменьшенную копию черноголового хохотуна, от которого на расстоянии, помимо размеров, отличается

также тёмным клювом и более лёгким полётом. Вблизи хорошо заметен светло-кофейный налёт вокруг клюва – на лбу и по бокам головы.

В колонии во время насиживания яиц эти чайки ведут себя довольно спокойно и человека подпускают до 30 м. При дальнейшем приближении взлетают всей стаей и бесшумно летают кругами над местом расположения колонии с тихим гоготанием или молча. Как только опасность минует, сразу же опускаются недалеко от колонии и идут к гнёздам.

Вылупление птенцов началось 2 июня, и сразу же отпали всякие сомнения в том, что птенец, которого я демонстрировал в Зоологическом институте АН СССР, принадлежал данному виду. Все пуховички появлялись почти чисто белыми, и только через несколько дней на белом фоне опушения у некоторых проявлялись тёмные окончания перьев, создающие какое-то подобие бледного рисунка.

На окраине колонии в одном из гнёзд 5 июня мы наблюдали вылупление первого птенца. В этот день утром чайки вели себя как обычно и не обращали внимания на палатку-скрадок, из которой я вёл наблюдения всего в 12 м от колонии. Это позволило мне передвинуть свой скрадок ещё на 2 м ближе. Однако к концу дня вся колония была взбудоражена: в течение получаса чайки кружили над гнёздами, кричали больше обычного и явно были чем-то напуганы. Я тотчас вернул скрадок не только на прежнее место, где он стоял уже несколько дней, но и ещё дальше от колонии. Однако, скорее всего, причиной испуга чаек были несколько выстрелов, впервые прозвучавших в этот день на острове. Это Эрнар ввиду моего скорого отъезда решил добыть одну реликтовую чайку для Л.С.Степаняна, заручившись предварительно моим согласием сделать из неё тушку, которую не стыдно было бы хранить в личной коллекции этого уважаемого им систематика.

На следующий день в колонии было много разбитых яиц, внутри которых находились полностью сформировавшиеся птенцы; из 108 гнёзд уцелели 79. Что бы ни было причиной такой паники в колонии, мы с Эрнаром чувствовали себя в какой-то мере причастными к этому. С тех пор я твёрдо знаю, что как бы ни были покладисты эти милые птицы, в период вылупления птенцов они ведут себя очень нервно, и в это время к гнёздам лучше не подходить. И уж тем более нельзя стрелять в ближайших окрестностях: любой неосторожностью можно погубить всю колонию...

Последнее обстоятельство побудило нас ускорить организацию охраняемой территории на Алаколе. Одновременно с завершением статьи о видовой самостоятельности реликтовой чайки, опубликованной в «Зоологическом журнале» в 1971 г. (предварительное краткое сообщение о находке её колонии было напечатано в «Вестнике АН КазССР», 1970, № 1), Эрнар Ауэзов стал собирать документы и публи-

ковать в газетах статьи о необходимости охраны этой уникальной колонии, а я, как председатель секции охраны животного мира Казахского общества охраны природы, поставил это в повестку дня заседаний секции, которая поддержала идею создания заповедника на Алаколе. В результате всех этих действий летом 1971 г. было принято половинчатое решение: остров Средний на озере Алаколь объявлен государственным заказником!

Поскольку такое решение шло вразрез с тем, что мы предлагали, а заказной режим не исключает посещения острова людьми (например, отдыхающими), то я продолжал во всех инстанциях доказывать необходимость создания именно заповедника. Этому вопросу был посвящён, в частности, специальный доклад «Реликтовая чайка: заповедник или заказник?», сделанный мною на научно-производственном совещании «Исчезающие и редкие звери и птицы Казахстана, меры по их охране и воспроизводству», состоявшемся в Академии наук Казахстана 15-16 февраля 1973, как первый шаг к созданию Красной книги Казахстана. Поскольку в нём очень кратко освещена вся проблема, а сборник, в котором опубликованы доклады совещания, давно уже стал библиографической редкостью, позволю себе привести здесь цитаты из этого доклада.

«К сожалению, ажиотаж вокруг реликтовой чайки привёл к тому, что ею как редчайшим видом заинтересовались сборщики коллекций и просто любители сенсаций. В результате в зун-торейской колонии (в Забайкалье – А.К.) в 1970 г. были проведены сборы птенцов, яиц и взрослых птиц, после чего эта колония перестала существовать. И хотя “после этого – ещё не значит вследствие этого”, к тому же официально причиной гибели считают шторм (Потапов, 1971), нельзя не признать, что посещение колонии в момент вылупления птенцов и коллектирование в это время явились роковым дополнением к стихийному бедствию.

Как бы то ни было, но Алакольская колония осталась **единственной**. Создавшееся положение накладывает на Казахстан особую ответственность за сохранение этого вида. Поэтому орнитологи Академии наук КазССР подняли вопрос о заповедании о-ва Среднего. Ходатайство было поддержано целым рядом научных учреждений и общественных организаций Советского Союза, в том числе Зоологическим институтом АН СССР, Центральной лабораторией охраны природы МСХ СССР, Казахским обществом охраны природы. В частности, в письме, подписанном директором ЗИН АН СССР академиком Б.Е.Быховским и заведующим лабораторией орнитологии этого института доктором биологических наук К.А.Юдиным, говорится: “Достаточно одного вторжения сборщиков яиц, чтобы эта колония перестала существовать... Наилучшим практическим мероприятием, с на-

шей точки зрения, было бы объявить остров, где гнездятся реликтовые чайки, заповедником (разрядка моя – А.К.) и организовать соответствующую его охрану. В дальнейшем будет целесообразным ходатайствовать об объявлении реликтовой чайки абсолютно охраняемым на территории СССР видом”. В итоге летом 1971 г. о. Средний на оз. Алаколь был объявлен государственным заказником.

Казалось бы, всё хорошо. Но возникает вопрос: гарантирует ли режим заказника достаточно полную охрану колонии? Думается, что нет. Как известно, заказник – это территория, на которой запрещена охота. Цель его – создать временно условия для максимального увеличения численности охотничьих животных с тем, чтобы плотность их достигла промысловой. В этом принципиальное отличие заказника как охотничьего учреждения от заповедника, создание которого преследует научные цели: сохранение в неприкосновенности ландшафта с населяющим его растительным и животным миром для изучения естественного хода развития природных комплексов. В своё время начальник Главного управления заповедников и охотничьего хозяйства при Совете Министров Казахской ССР В.А.Степанов писал: “Главное управление заповедников и охотничьего хозяйства совместно с Казахским обществом охраны природы предполагает войти с ходатайством в правительство республики об организации четырёх-пяти новых заказников, на территории которых, в отличие от заповедников, запрещается только охота, в том числе на о-ве Средний на оз. Алаколь, где обнаружен особый исчезающий вид реликтовой чайки” (Степанов, 1971).

Но ведь прямое истребление охотниками меньше всего грозит реликтовой чайке. Гораздо опаснее сбор яиц, гнёзд, птенцов и, наконец, просто посещение острова туристами и другими любознательными путешественниками в период гнездования птиц. Следовательно, необходимо полностью запретить любое посещение острова людьми. А это возможно только при заповедном режиме... Только в таком случае можно будет рассчитывать на сохранность колонии реликтовой чайки...» (Ковшарь 1977, с. 193-195).

Этот доклад был с одобрением встречен участниками совещания и в резолюцию его было внесено предложение о необходимости преобразования уже существующего заказника в заповедник... Однако прошло ещё 25 лет, прежде чем Алакольский заповедник был создан. Но это уже другая история, с другими участниками и перипетиями событий. Они лучше всего известны человеку, которому удалось-таки довести начатое в 1971 г. дело до конца – Серику Амирхановичу Толганбаеву.

Эрнар Ауэзов, безвременно ушедший из жизни за три года до оформления Алакольского заповедника, до конца своих дней следил за реликтовой чайкой и состоянием её колонии на Алаколе, а в последние годы, работая начальником отдела охраны животного мира

«Казглавохоты», всемерно помогал орнитологам Института зоологии в проведении полевых работ на Алаколе, в том числе и по учётам реликтовой чайки. Помимо защиты кандидатской диссертации на тему «Биология реликтовой чайки и мероприятия по её охране» (1980), он опубликовал целый ряд научных работ, а также научно-популярных очерков об этой удивительной птице. Один из таких очерков под названием «Алакольский сюрприз», первоначально опубликованный в альманахе «Живые сокровища Казахстана» (1979) в 2003 г., к 60-летию автора, был переиздан отдельной книжкой под названием «Чайка» на трёх языках – казахском, русском и английском. Благодаря Эрнару об этой удивительной чайке сняты два научно-популярных фильма – в 1970 г. Акмолинской телестудией (режиссёр Диаз Гильманов) и спустя несколько лет – студией «Казахфильм» (реж. Эльза Дильмухамедова).

Литература

- Ауэзов Э.М. 1970. О находке колонии реликтовой чайки *Larus relictus* // *Вестн. АН КазССР* 1: 59-60.
- Ауэзов Э.М. 1971. Таксономическая оценка и систематическое положение реликтовой чайки (*Larus relictus* Lönnb.) // *Зоол. журн.* **50**, 2: 235-242.
- Ауэзов Э.М. 1979. Алакольский сюрприз // *Живые сокровища Казахстана*. Алма-Ата: 106-116.
- Ауэзов Э.М. 1980. *Биология реликтовой чайки и мероприятия по её охране*. Автореф. дис. ...канд. биол. наук. М.: 1-18.
- Ауэзов Э.М. 2003. *Чайка*. Алматы.
- Дементьев Г.П. 1951. Отряд чайки Larі или Lariformes // *Птицы Советского Союза*. М., **3**: 373-603.
- Зубакин В.А. 1988. Семейство Чайковые – Laridae // *Птицы СССР: Чайковые*. М.: 51-370.
- Ковшарь А.Ф. 1974. Дополнение ко 2-му тому: Реликтовая чайка – *Larus relictus* Lönnb. // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, **5**: 407-411.
- Ковшарь А.Ф. 1977. Реликтовая чайка: заповедник или заказник? // *Редкие и исчезающие звери и птицы Казахстана*. Алма-Ата: 193-195.
- Ларионов В.Ф., Чельцов-Бебутов А.М. 1972. Находка реликтовой чайки на Торейских озёрах (Забайкалье) // *Орнитология* **10**: 277-279.
- Леонтьев А.Н. 1968. Гнездовая колония чаек и бакланов на Торейских озёрах // *Изв. Забайкальского фил. Геогр. общ-ва СССР* **6**: 79-80.
- Потапов Р.Л. 1971. Находка на Торейских озёрах // *Природа* **5**.
- Степанов В.А. 1971. Заповедники республики // *Газ. «Вечерняя Алма-Ата»* **5.04**.
- Lönningberg E. 1931. A remarkable gull from the Gobi Desert // *Ark. Zool.* **B. 23**, 2: 1-5.
- Stubbe M., Bold A. 1971. Möwen und Seeschwalben (Laridae, Aves) der Mongolei // *Mitt. Zool. Mus. Berlin* **47**, 1: 51-62.
- Vaurie Ch. 1962. The status of *Larus relictus* and other hooded gulls from Central Asia // *Auk* **79**, 3: 303-309.

